

В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

«...На перевале в Тубан я был в 1919 — дорога туда зимой очень нелегкая, хотя и красоты неопишуемой. Когда лошади будешь проезжать станицу Ширванскую (а ее ты никак не минуешь), ты увидишь одинокую, острую, как меч, скалу; под этой скалой, как раз на том повороте, где твои сани чуть уж не опрокинутся, у меня в девятнадцатом убили лошадь».

Эти строки — из дружеского послания Аркадия Гайдара Р. Фраерману, собиравшемуся в январе 1935 года путешествовать по Кавказу.

Станица Ширванская — в Краснодарском крае. А «Тубан»? Ни станицы, ни горного хребта с таким названием нет. Неточность, опечатка?.. К тому же и год упомянут 1919-й, хотя воевал Гайдар на юге в 1920-м...

О самой службе шестнадцатилетнего Аркадия Голикова на Кавказском фронте известно совсем мало. Только недавно отыскались документы, и сквозь туман времени стали проступать новые строки «обыкновенной биографии в необыкновенное время».

В Центральном госархиве Советской Армии наткнулся я на две тонкие тетради, сшитые из больших листов. Листы плотно, без интервалов, заполнены бледными голубыми и фиолетовыми строчками, отпечатанными на стареньких, со сбитым шрифтом, штабных машинках. Это были журналы военных действий полков, в которых служил на Кавказе будущий писатель. С жадным любопытством переворачивал я крупные листы. Тут же выяснилось: речь в письме шла о Тубинском перевале. Гайдар, оказываясь, написал — «в Туббах»... Летом 1920-го он впервые

увидел море. Вышло это совсем неожиданно. После ранения на Западном фронте, под Уллой, Аркадий несколько недель провел дома, в Арзамасе. В марте, когда приехал в Москву, получил назначение в 3-ю бригаду 14-й стрелковой дивизии, в город Екатеринодар. А в июне — «в числе двадцати надежных, преданных Советской власти красных командиров» — был направлен на Кавказ.

Штаб 303-го полка находился в Адлере. Рота, которой он стал командовать, охраняла берег реки Псоу. Позже Гайдар вспоминал об этих днях — в набросках ранней повести «Последние тучи»:

«Как-то раз после обеда... целая ватага красноармейцев собралась идти к морю купаться...»

Купались с криком и шумом. Волны шли большие и мягкие. Баловались, топили друг друга и фыркали, наглотавшись соленой воды. Вылезать не хотелось никак...

Солнце скрылось за облако. Море потускнело, потяжелело как-то сразу и нахмурилось. Далеко у горизонта, на фоне бледно-голубого неба, вырисовываясь, выплывали контуры двух могучих дредноутов. И бесшумно, ровно, точно скользят тени, они тихо полпыли у края моря и на глазах удивленных красноармейцев исчезли постепенно в стороне Крыма.

— Англия! — негромко проговорил кто-то.

— Англия, — как эхо, подтвердили другие. — Она самая...

Там, на полуострове, окруженном мощными укреплениями, опутанном рядами колючей проволоки, — белая армия черного барона Врангеля. Антанта снабдила барона танками, самолетами, даже линко-

Неизвестная страница боевой юности Гайдара

рами и крейсерами. И банды, засевшие в горах Кавказа, выжидали, когда Врангель перейдет к решительным действиям.

20 июня полк получил приказ передислоцироваться в Сочи «для охраны города и Черноморского побережья от селения Хоста до станции Головинка». Бандиты уже нападали на дальние хутора и станицы, расправлялись с коммунистами и сочувствующими Советской власти. 14 июля поступил новый приказ: полку выступить в боевой поход.

Скупую память о походе хранит «Журнал военных действий» (публикуется впервые. — Б. О.).

«26 июля 1920 года. Ст. Белореченская — ст. Пшехская — хут. Кубанский — ст. Кубанская.

...На хуторе Кубанский прибыли в 15 часов. Перед хутором была небольшая стычка команды конных разведчиков с бело-зелеными. Зеленые рассеяны. Захвачено две лошади.

На хуторе был устроен митинг и избран ревком. В 23 часа прибыли благополучно в станицу Кубанскую, где и расположились на ночлег. Сторожевое охранение несет 2 батальон. (В этом батальоне А. Голиков командовал 4-й ротой. — Б. О.)...

28 июля. Ст. Ширванская.

...С утра накрапывает дождь. В 1 час выслана команда конных разведчиков на нефтяные промыслы ввиду слухов о нахождении там штаба бело-зеленых. В 3½ часа была добавочно выслана туда же 4-я рота...

В ст. Ширванской был устроен митинг. Связь с бригадой прервана и установить ее не представляется возможным

ввиду того, что телефонные провода обрезают зеленые, а конных и пеших посыльных перехватывают.

29 июля. Ст. Ширванская. ...Ввиду появления банд в районе ст. Хадзыженской выслан... отряд в составе команды конных разведчиков, отделения пехоты и пулеметный взвод...

Конная разведка, погнав за мелкими бандами и схватки с крупными — во всем этом участвовал и комроты 4 Голиков. Там, у станицы Ширванской, под «одинокой, острой, как меч, скалой» бандитская пуля догнала его коня.

В начале августа Аркадия переводят из 303-го в 302-й стрелковый полк. И хотя был этот полк гораздо малочисленней, действовал он решительно и отважно.

В трех верстах от станицы Пшехской, свидетельствует журнал военных действий 302-го полка, небольшой отряд конных разведчиков рассеял банду в сто—сто пятьдесят штыков. Другой отряд у хутора Конневецкого отогнал большую и хорошо вооруженную банду за реку Пшех и, неся потери, стойко держался до подхода основных частей полка. Две роты 2-го батальона (Аркадий снова попал во 2-й батальон) и 27 конников удачным маневром окружили зеленых прямо в лесу, в районе Медвежьей поляны.

Бело-зеленым удалось сколотить из разрозненных групп и отрядов ударный кулак и в начале сентября захватить станицу Дагестанскую, Прусскую, Суходольскую, Курджипскую, Апшеронскую, Хадзыженскую. 6—7 сентября в ожесточенной схватке за Суходольскую и Курджипскую

против 302-го полка действовали вдвое превосходящие силы. Но к исходу второго дня боев, потеряв 37 бойцов, полк освободил обе станицы. Короткая передышка — и на рассвете новой бой. Зеленые, бросив «отрытые в полный рост окопы», спешно отступили к Прусской.

Казалось, с крупными бандами покончено — они выбиты из станиц, рассеялись в горах и лесах. Но каждый понимал, что они могут снова объединиться. Пришлось дробить полк на небольшие гарнизоны, чтобы выставить заслоны у поселка Частокольного, хутора Кущенко и в урочище Тубы — рассечь главные русла, по которым могли слиться в единый поток мутные бело-зеленые ручьи. На самый опасный участок — Тубинский перевал — послали второй батальон.

Добирались трудно. В одном месте тропа переходила в узкий полуторааршинный карниз над черной бездонной пропастью. Аркадий почувствовал: невольная дрожь пробегает по телу. И каждый боец крепче сжал толстую веревку, которую приказал протянуть над карнизом комбат.

Чем дальше забирался маленький отряд, тем глуше и враждебнее смыкалось кольцо гор. И нигде — ни малейшего признака человеческого жилья. Неподалеку от гребня перевала выбрали площадку среди каменных холмов и принялись выдалбливать землянки-норы. В свободные от дозорной службы часы бойцы чинили обмундирование, истрепанное в боях и во время перехода по горам, чистили винтовки.

С винтовками приключилась целая история. История эта — уже в виде рассказа «Обрез» — в 1927 году появится в газете Московского военного округа «Красный воин», в которой Гайдару приведет несколько месяцев. Он опубликует в «Красном воине» несколько десятков рассказов, очерков и зарисовок, но только этот подпишет настоящим своим именем — Арк. Голиков, подчеркивая его достоверность, а может, и в надежде — вдруг откликнется кто-то из однополчан.

Рассказ этот теперь широко известен: о том, как на перевале в Тубах бойцы начали спиливать стволы винтовок, и чтобы доказать им, что винтовка со спиленным стволом — безнадежно испорченное оружие, «помощник Трач» становится под выстрел из обреза и остается невредимым.

Думается, в рассказе все достоверно, кроме одного, существенного: не было у «инструктора для поручений при комбате-2» Голикова никакого помощника. А если б и был, разве позволил бы ему рисковать Аркадий, сам оставаясь наблюдателем? Вероятней всего, там, в Тубах, под выстрел стал сам Голиков...

Во второй половине сентября погода резко переменилась. Два дня кряду над Тубинским перевалом свистели разбойные ветры. А когда они утихли, горы утонули в свинцовой черноте тяжелых туч. Ледяной дождь сменился градом, град — метелью. Наспех отрытые землянки плохо укрывали людей. Из-за непогоды и бездорожья так и не подвезли шинели и теплые одеяла. В довершение всех бед оборвалась (или была обрзана) телефонная связь с полком. Положение складыва-

лось отчаянное. Но в батальоне понимали: стоит снять заставы на перевале, и все усилия их полка, жестокие бои, потеря товарищей — все будет напрасным. И батальон держался — без шинелей, почти без продуктов, без соли, пока не кончилась непогода и бездорожье.

В середине октября на перевал пришла смена. За несколько дней до этого Аркадия вызвали в штаб бригады. Его давно собирались направить продолжать военное образование. В аттестации, составленной еще в 303-м полку на командира 4-й роты А. Голикова, отмечалось, что «...несмотря на его молодость, он был на многих фронтах и занимал последовательно должности от комзвода до комроты. В батальоне он является пока только одним удовлетворяющим требованиям командирования на высшие курсы».

И вот пришел вызов. Аркадию вручили предписание — надо было торопиться: пока из штаба сообщили на перевал, да пока сам он добирался из Тубы, времени ушло немало. В конце ноября он уже обучался под Москвой, в Кукове, в Высшей стрелковой школе «Выстрел». В феврале нелегкого для республики 1921 года по приказу Реввоенсовета в школе были проведены внеочередные экзамены, и лучшую — пятую часть курсантов — выпустили «для замены старого комсостава». 21 февраля 1921 года выпускник «Выстрела» Аркадий Голиков получил направление в Орловский военный округ. Меньше чем через месяц в Воронеже он — семнадцатилетний — вступил в командование 23-м запасным стрелковым полком.